

УДК 338*4:630*8

Т. В. Каштелян

Белорусский государственный технологический университет

ОСОБЕННОСТИ РЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕСНОМ КОМПЛЕКСЕ

В статье на основе системного метода исследований и институционального анализа рассматриваются рентные отношения лесопромышленной сферы. Особое внимание уделяется понятию «лесная рента», конституирующего взаимодействия двух отраслей – лесного хозяйства и лесной промышленности.

Доказывается, что интерпретация отношений, возникающих в ходе реализации ренты как целостного экономического явления, основываются на постулатах неоклассической теории, предполагающей отождествление фирм с производственной функцией.

Устанавливается ряд особенностей рентных отношений, непосредственно касающихся отечественного лесного комплекса как основного производителя древесного сырья. Дается характеристика условий образования и потребления лесной ренты.

Для сферы национальной экономики предлагается авторская концепция понятия рентных отношений как комплексного объекта регулирования, включающего многообразие интересов при осуществлении многостадийных процессов образования добавленной стоимости (за счет отчуждения производственных запасов леса (ПЗЛ) и неотчуждаемых его функций, условий, параметров), ее распределения, изъятия, присвоения и потребления (материального, духовного, личного). Выявляется роль внутри- и межкоординационных эффектов экономической деятельности лесного комплекса. Обозначается проблема неэквивалентности обмена между организациями лесного хозяйства и лесной промышленности с учетом государственных и межотраслевых интересов.

Ключевые слова: рентные отношения, лесная рента, организационная культура, лесной комплекс, аренда, государственная собственность, права, институциональная неделимость, добавленная стоимость, экономическая координация.

T. V. Kashtelyan

Belarusian State Technological University

FEATURES OF RENTAL RELATIONS IN THE FOREST COMPLEX

The rental relations of the timber industry are considered on the basis of the system research method and institutional analysis in the article. Special attention is paid to the concept of “forest rent” constituting the interaction of the two sectors - forestry and the forest industry.

It is proved that the interpretation of relations that arise in the course of the sale of rent as a holistic economic phenomenon is based on the postulates of neoclassical theory that implies the identification of companies with the production function.

A number of features of rental relations are established, directly relating to the domestic forest complex as the main producer of raw wood. The characteristics of the conditions of formation and consumption of forest rent are given.

For the national economy sphere the author proposes the concept of rental relations as a complex object of regulation, including the diversity of interests provided the implementation of multi-stage processes of added value (due to the alienation of industrial forest reserves (IFR) and its inalienable functions, conditions, parameters), its distribution, withdrawal, appropriation and consumption (material, spiritual, personal). The role of intra-and intercoordination effects of the economic activity of the forest complex is revealed. The problem of nonequivalence of exchange between organizations of forestry and the forest industry, taking into account state and inter-sectoral interests is indicated.

Keywords: rental relations, forest rent, organizational culture, forest complex, rent, state property, rights, institutional indivisibility, added value, economic coordination.

Введение. Разработками проблем рентной концептуализации экономик лесного хозяйства и лесной промышленности в разные периоды времени занимались многие ученые-экономисты и исследователи [1, 2, 3, 4, 5]. В последние два с половиной десятилетия практика хозяйствования

в лесном секторе Беларуси свидетельствовала о неприменимости институциональных механизмов развития рентных отношений. В недавно принятом Лесном кодексе Республики Беларусь [6] понятия «рента» и, тем более, «рентные отношения» вовсе отсутствуют. Попытаемся разобраться,

стали ли указанные категории устаревшими и почему отечественные лесопромышленные отношения, складывающиеся в процессе производства лесопродукции, по большому счету не «претендуют» на институционализацию ренты.

Исследования рентных отношений многие ученые считают раз и навсегда завершенными, другие, наоборот, способствуют возрождению научного интереса к анализу ренты. Весомыми аргументами в пользу изучения рентных отношений являются не столько функции собственности (формирования рынка различных прав), сколько их феноменология (пределы реализации прав, свобод, сформированных под воздействием общественных институтов), разнонаправленность целей поведения экономических агентов, их институционального позиционирования.

Основная часть. Первый ракурс сложностей рентной концептуализации экономики лесного комплекса связан с постижением сущности лесной ренты. Лесную ренту посчитали забытой категорией не исходя из отсутствия пользовательских функций дарами и благами покрытых соответствующей растительностью территорий. Большую роль сыграли узкоутилитарные представления о лесе как об источнике предоставления материальных благ, унификация подхода к собственности. Социальные, психологические параметры сложившейся институциональной среды: проблемы национализации земель, «отчуждения» экономических агентов от госсобственности, менталитет «безбилетного пассажира», непонимание сущности предприимчивости... Это далеко неполный перечень причин, по которым рента в определенных сообществах до сих пор считается элементом незаработанного дохода.

Особый отпечаток на изучение аспектов лесной ренты наложили административно-правовые методы управления экономикой, сложившиеся организационные связи между субъектами общественного производства (лесовыращивания, защиты, охраны леса, заготовки, переработки, др.). Профессор Петров А. П. в статье «Лесное хозяйство и лесная промышленность: от антагонизма через конфликты к единению» [7] излагает (к сожалению, кратко, так как это всего лишь статья) причины прямого и косвенного характера, которые, на наш взгляд, являются предпосылками дискуссий для присвоения экономическим отношениям «статуса» рентных. Все дело в источниках покрытия затрат... Автор показывает причины институциональной несостоятельности экономических агентов решать вопросы рационального лесопользования. И как итог – выход на новый виток конфликта лесного

хозяйства и лесной промышленности России, связанного с финансированием лесовосстановления [7].

Организационная культура, сформировавшаяся в условиях отсутствия самоуправляемых институциональных единиц, не полагающихся на достижение максимального эффекта при минимизации затрат, заложила базовые основы экономического поведения, в котором ответственность за принимаемые решения зависела не от работников и даже не от руководителей, а от центра. За ним же признавалось и некое институционально неоформленное, но все-таки право собственности на продукт, землю и др. Ричард Т. Элли [8] в своей статье справедливо подчеркивает, что государственная собственность на землю означает контроль. Но контроль контролю рознь, многое зависит от координационных эффектов, оппортунизма, доверия и т. д.

Значимым новшеством в условиях перехода к рыночной экономике стало появление аренды. Рента, соответственно, стала восприниматься как плата собственнику за использование земли. Исследователь рентных отношений аграрного комплекса России Лукманов Д. Д. применяет термин «арендно-рентные отношения», делая акценты на институционализацию ренты по участникам сделки [9]. Общий подход с позиций функционирования фирм мы поддерживаем. Однако совокупность технологических, воспроизводственных условий, специфичности активов, институциональных параметров лесного хозяйства и лесной промышленности требуют так называемого системного контрактного подхода.

Лесной комплекс – это основной производитель и потребитель древесного сырья. Лесное хозяйство – базовая отрасль экономики, которая конституирует накопление и применение капитала, заключенного в земельной собственности. Еще в 1964 г. В. К. Шкатов определил, что попенная плата по своей природе должна включать три элемента: а) возмещение затрат лесного хозяйства; б) прибыль, созданную прибавочным трудом в лесохозяйственном производстве; в) дифференциальную ренту [1]. Рента в исследованиях указанного автора не отличается от формулы К. Маркса. Она выделяется в виде той прибавочной стоимости, которая присутствует наряду с прибылью в отрасли лесного хозяйства. Однако в указанной сфере деятельности в те времена вопросы зарабатывания прибыли и ренты не стояли [1, 10]. Последние две экономические формы добавленной стоимости нельзя было идентифицировать ввиду отрицательных финансовых результатов отрасли [1]. Ценообразование

осуществлялось только в леспромхозах, обособленных от лесоводственных субъектов, по средним условиям. Превалирование худших природно-производственных параметров ведения лесозаготовок не давало ожидаемых результатов получения ренты, заключенной в попенной плате (корневой цене ресурса, который предстояло заготовить и доставить к путям общего назначения).

Рента – это цена используемого ограниченного ресурса, которая устанавливается собственником исходя из спроса и предложения на рынке. Сравнения ренты с процентом, который приносит капитал, с заработной платой не случайны. Они позволяют позиционировать права владения ресурсом в стоимостном выражении. Данное представление о ренте выдержано в «духе» неоклассической экономической теории. Но в рамках каждого конкретного контракта использования земли как собственности можно заметить институциональные, структурно-технологические, поведенческие (психологические) корреляции. Они выявляются не только по результатам бухгалтерских расчетов. Только идентифицировав ренту в каждом конкретном случае, мы сможем определить ту долю, которая по праву может принадлежать собственнику.

В соответствии с предложениями В. К. Шкатова [1] собственник древесины на корню (государство) обязан был нести затраты для того, чтобы компенсировать сложные условия заготовок сырья. По существу, государство так заботилось о темпах экономического развития промышленности и страны [7], создав особый порядок реализации прав общенародной собственности на средства производства и другие активы. Аккумуляция источников развития (добавленной стоимости) в «центре» обусловило отношения, неестественные для рыночных. Собственнику было не до рентных отношений.

Изучение разных определений лесной ренты (таблица) позволило нам сделать вывод о последовательном изменении взглядов на систему лесных экономических отношений, последовательном приближении ее к классическому и неоклассическому рентиориентированному поведению субъектов, экономическому стимулированию получения доступа к рентному ресурсу, его использованию, функционированию в системе с другими, образованием и распределением лесной ренты. Рентные отношения берут свое начало из земельных [10], продолжают функционировать в производственном и трансакционном направлениях. Но последнее остается малоизученным. Как справедливо отметила

профессор Примаченок Г. А., постижение сути требует признания того, «что в рамках фирмы как коллективной организации связи не ограничиваются только вертикальным уровнем» [11].

Указанные в таблице понятия лесной ренты определяют несколько направлений развития рентных отношений. Первое, концепция ренты пассивной формы деятельности в условиях преодоления собственности. Второе, открытие зависимости от собственности. Третье, необходимость теоретического обобщения возмещения затрат. Четвертое, рынок отрегулирует все, и тогда на ренту может и не стоит рассчитывать. На наш взгляд, разные пути решения одной проблемы стоимостного эквивалента не тронутой рукой человека ресурса еще долго будут вызывать дискуссии. Следует отметить их плодотворный характер, так как рента анализировалась в двухслойной форме. Во времена защиты диссертации С. В. Шкатова равенство субъектов лесопользования поддерживалось со стороны государства, а суть современных рентных отношений – в созданных экономических институтах, их субординационной структуре.

Сущность рентной концептуализации экономических отношений лесопромышленного комплекса советского периода – в «прохождении» лесной ренты мимо институтов собственности и предпринимательства (последний был бы очень актуален на уровне субъектов лесного хозяйства и даже близок в экспериментах к реализации). Современные исследования в соответствии с институциональной парадигмой позволяют отметить интересные изменения в системе рентных отношений. Они выходят из стадии «воспроизводство древесных ресурсов», предполагая ренту в виде нормы прибыли лесного хозяйства как самостоятельной отрасли. Рента вообще идентифицируется рынком (зависит от того, как предприятия адаптировались к его условиям, на что указывают многие исследователи), является источником развития (это же то, что добавляется к прибыли, так почему нельзя на этой основе развиваться?). Но не все субъекты лесопользования достигают целей получения ренты.

Рента, выступающая в качестве платежа, есть мерило реализованных возможностей адаптации и развития – результативности и совершенства экономической деятельности отраслевых и межотраслевых институциональных структур, положительных внутри- и межкоординационных эффектов, того организационного публичного и экономического порядка в стране, который позволяет улавливать ренту собственности. Смысловое дополнение «платеж» к термину «рента»

не стоит преувеличивать. Более того, следует разобраться в связи земельной собственности и производительности труда, его результатах. Не одна же низкая стоимость корневых цен приводит к «притуплению» мотивов жить только за счет заработной платы! Достойная оплата труда – фактор организации эффективных способов производства, выполнения качественных работ, оказания услуг сервиса на высоком уровне и т. д. При этом целесообразно реализовывать планы рационального использования внутренних ресурсов.

Многие экономические представления о ренте дошли до нас в устаревшей «феодалной» оболочке, когда рента рассчитывалась на количество крестьян, нанятых для работы на земле. Однако непомерные «аппетиты» феодалов в условиях товарно-денежных отношений закончились кризисом. Мы склонны использовать понимание ренты того периода (но только с каждой единицы заготовленного в лесу сырья), в то время как многие факторы экономической действительности способствовали отмиранию ведущей роли естественных сил природы, а сверхдоходы инспирируются конъюнктурой. В современных рентных отношениях важную роль играет заинтересованность в результатах труда. И когда работники получают ответственность за проданный продукт, то тогда уже возникают вопросы использования земельной собственности, рента уже может интерпретироваться как отдача от пассивной формы деятельности в виде дохода.

Нужна ли категория «рента» сегодня? Ответ однозначный – нужна. Во-первых, потому что собственность изменчива, она функционирует в рамках публичного порядка, который не статичен. Пучок правомочий достаточно широк и может по-разному отражать компромиссы экономических субъектов. Во-вторых, потому что имеется «стирание» граней между рентой (квазирентой) и издержками. И это определяет характер поведения субъектов, которые готовы оплачивать не только

текущие операционные затраты, но и осуществлять вложения в будущее. Рентоориентированное поведение не слывет «наживой» за счет общенародного добра, когда оно выходит за рамки обмена и приобретает ценностные критерии потребления ренты (к примеру, на цели инновационного развития). Ученые-экономисты соглашаются с тем, что социальная рента (экологические земельные платежи) не просто издержки, а часть добавленной стоимости, которую следует потратить на сохранение и приумножение ресурсов.

В ренте был и остается интерес государства, связанный со всеми видами землепользования. Социализация рентных доходов имеет непреходящее значение в связи с принятыми национальными стратегиями переходов к устойчивому развитию. Рента была и остается «крупницами золота», которые могут выступать экономическим «оплотом» государства при условиях рационального и эффективного использования рентных ресурсов. Последние накапливаются с помощью системы управления доходностью капитала в рамках рентного потенциала одних экономических агентов (в нашем случае лесного хозяйства) и передаются другим.

Определив в лесном управлении два направления получения ренты (экологическое и экономическое), профессор Неверов А. В. и соавторы [5] способствовали возрождению данной категории в системе лесных отношений Беларуси. Исходя из содержания производственных запасов леса (ПЗЛ) можно модельно сконструировать стадии формирования рентных отношений, основанные на накоплении отчуждаемых и неотчуждаемых составляющих ПЗЛ, обмениваемых на рынке. На наш взгляд, такое системное образование, как ПЗЛ, должно сопровождаться набором средств и методов, отображающих разнообразные экономические интересы различных участников лесопользования и за пределами его, внутри- и межкоординационные эффекты хозяйствования.

Понятие «лесной ренты» в трудах ученых-экономистов

Взгляды	Авторы
Рента местоположения складывается под влиянием разницы в затратах по доставке древесины к путям общего пользования и затрат по перевозке от пунктов отправления до пунктов назначения общего пользования. Рента продуктивности складывается под влиянием объема хлыста, породного состава, добротности (среднего качества)	Шкатов С. В. (1964)
... лесная рента устанавливается в виде абсолютной суммы в расчете на 1 м ³ заготавливаемой древесины, возникает только на рентабельных лесосеках, не должна включаться в себестоимость, т. е. не должна увеличивать ее... устанавливается при лицензировании и оформлении аренды...	Большаков Н. М. (2000)
... разница между товарной стоимостью стволов и затратами на их заготовку ... (еще раз заметим, что эта разница, положительная или отрицательная, и есть лесная рента ... все предельно просто)	Починков С. В. (2003)
Лесная рента... представляет собой остаточную стоимость реализуемых на рынках сбыта лесных ресурсов, за минусом затрат на их заготовку, доставку до рынков сбыта и на лесовыращивание, а также нормативную прибыль всех соучастников этого общего процесса	Моисеев Н. А. (2017)

Лесная рента – есть величина добавленной стоимости, которая опосредует экономический интерес собственников и пользователей (государства, организаций отраслей лесного хозяйства и лесной промышленности, других сфер деятельности), в рамках связанного взаимодействия ПЗЛ на базе земель лесного фонда. Добавленная стоимость от использования ПЗЛ образуется преимущественно на стадии лесопромышленной деятельности. Это не означает, что она не может (по Н. А. Моисееву [2] должна) позиционироваться на предварительной стадии в рамках лесостроительной информации. Что касается отражения ее в составе издержек [12], то такой порядок принят еще в советские времена, и сейчас попенную плату лесной промышленности получают государственные субъекты, занимающиеся выращиванием леса. Указанные экономические агенты используют их на цели сохранения уникальных природных комплексов. Лесопромышленники (имеется в виду лесозаготовители) на уровне коммуникативного инстинкта усвоили то, что покупают древесину «у бюджета». Попенная плата (лесоресурсная (лучше сказать древесная) рента) зачисляется на счета учреждений лесного хозяйства. А. П. Петров в вышеупомянутой статье [7] выражает большую озабоченность, что в российской практике от такой схемы отказались и получили очевидную финансовую ограниченность лесхозов. Именно отражение попенной платы как обычных платежей (нерентных), что предполагает включение их в состав материальных затрат лесной промышленности, соединение транзакций покрытия затрат лесного хозяйства и оплаты пользователями приобретаемых ресурсов при наличии укорененной (нерыночной) индифферентности к доходному ведению лесного хозяйства, налоговые нагрузки лесозаготовительной деятельности способствовали изъятию «лесной ренты» из практической деятельности.

Что касается арендных отношений, то по этому поводу профессор Шутов И. В. заметил [13], что «аренда лесов» предполагает замену словом «концессия», но важно понимать, что возврат объекта аренды лесного участка вряд ли может быть представлен обратно в том виде, в котором он был получен изначально. Это не единственный довод указанного автора в пользу того, чтобы «назначить» собственниками лесов в России лесхозов. Проблема в том, как правильно учесть и реализовать на практике все нормы, правила, стоимостные внутри- и межкорпоративные эффекты.

Особенность рентных отношений в лесопромышленном комплексе заключается прежде

всего в *стоимостном отображении потока отчуждаемых из ПЗЛ составляющих*. Отчуждение есть переход конкретных прав собственности (владения), но не земельного капитала-собственности, а капитала-функции (по К. Марксу). Данный процесс конституирует товарно-денежный поток, в первую очередь, древесных и недеревесных ресурсов (лесоресурсную ренту). Согласно рыночной интерпретации осуществления лесоводственной деятельности [10], включая экологическую и природоохранную функции лесов, аккумулятивное на определенных территориях различных характеристик лесов обязано приносить доход.

Еще одной особенностью рентных отношений лесопромышленного комплекса является *потребление* или, в нашем случае, экологическое предназначение ренты в целях устойчивого развития территорий и повышения качества жизни населения. Именно практическая «оставка» на отождествлении фирм с производственной функцией, на наш взгляд, не способствует приобщению субъектов к рентоориентированному поведению. Отечественные лесхозы представляют собой организационные структуры, которые в условиях возрастающей техногенной и антропогенной нагрузки на леса, глобальных изменений климата формируют социальный капитал (капитал в том функциональном смысле, на который указывал К. Маркс). Вполне логично позиционировать лесхозов как получателей ренты (как доли добавленной стоимости заготовленного сырья).

В отечественной практике термин «рента» употребляется чаще с определением «отданная», а не «заработанная», что не может не беспокоить тех, кто выходит на рынок со своей продукцией и не хочет терять доходы. Но в любой сфере приходится достигать разумного компромисса между практиками «генерации», изъятий добавленной стоимости и потребления. Rentner (пер. с нем.) – пенсионер. При этом не указывается на субъект, что он что-то отдает. Наоборот, получает источник существования, потому что заработал его за долгие годы труда.

Изучение институциональных, организационных основ для развития рентных отношений в отечественной практике лесопромышленного комплекса способствовало популяризации концепции разделения в лесхозах Беларуси функций государственного и хозяйственного управления. Этим вопросам с начала 2000-х гг. посвящены исследования многих авторов [14]. Фирмой по производству и потреблению ренты является современный лесхоз. Ее особенностью

(в подавляющем большинстве) является институциональная неделимость структуры по лесохозяйственному и промышленному направлению. Подобную характеристику (только в отношении сферы ЖКХ России) описывает социолог Кирдина С. Г. [15, с. 27].

Титул собственности, официально присвоенный лесхозам, обуславливает необходимость содержания достаточного количества работников, выполняющих функции лесозащиты, охраны и многих других лесоводственных функций. Источником оплаты их труда служат бюджетные средства, но для осуществления нормального воспроизводства факторов постоянного и переменного капитала используются средства промышленной хозяйственной деятельности. Институциональный анализ подталкивает к решению проблемы повышения доходности лесного хозяйства на основе придания им статуса лесоснабжающих организаций и производителей экосистемных услуг.

Заключение. Проведенное с целью развития теоретико-методологических положений исследование реализации рентных отношений лесного комплекса позволило выяснить причины действия концепций, «закрывающих» до настоящего времени пути широкого применения их в реальной практике.

Первая. Современная теория ренты ограничивается актами обмена. Она выдержана в рамках неоклассической доктрины. В то время как права (рентополучателей, рентодателей и др.) разнообразны. Они в сравнении с результатами производства продукции «характеризуются иными социальными параметрами времени, протяженности и пределами результата» [11].

Вторая. Зависимость от траектории прошлого. Непризнание за отчуждением составля-

ющих ПЗЛ права собственности на продукт. Отсюда понятие «лесная рента» не отображает четкую субординационную структуру всех участников лесных отношений. В практической деятельности отечественных лесозаготовителей попенная плата не признается даже рентным платежом исходя из источников [6, 12], а транзакционные издержки не принимаются в расчет. Упор делается на иерархическую вертикаль, которая якобы в состоянии оплатить «поддержку сил природы, генерирующих» ренту.

Стоит выделить и третью причину. Проблемы в отличиях социальных размеров лесного комплекса от слагающих его институциональных частей. С этим приходится считаться при выявлении мотивов экономического поведения. Соединение собственника и пользователя лесных угодий предполагает выход из области чисто экономических исследований ренты в сферу нерыночных административно-правовых методов регулирования. Следует уточнить экономическое содержание неэквивалентности обмена между организациями отраслей лесного хозяйства и лесной промышленности с учетом государственных интересов, внутри- и межотраслевых притязаний.

Лесная рента может рассматриваться и как продукт потребления, и как средство регулирования социально-экономических отношений субъектов хозяйствования лесопромышленного комплекса. Договора на условиях ренты обеспечивают многообразие интересов при осуществлении многостадийных процессов образования добавленной стоимости, распределения, потребления. Их начало в системе «природа – человек – производство», а продолжение в «воспроизводство – адаптация – развитие» [16].

Литература

1. Шкатов С. В. Дифференциальная рента и попенная плата в лесном хозяйстве СССР: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Академия наук СССР. Институт экономики. Москва; Киев, 1964. 20 с.
2. Моисеев Н. А. О концепции современного лесоустройства в России // Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. 2017. Вып. 219. С. 58–73. URL: spbftu.ru (дата обращения: 19.01.2019).
3. Большаков Н. М. Методологические основы формирования рентных платежей в лесопользовании // Научно-технический прогресс в лесном комплексе: материалы междунар. науч.-практ. конф., 18–20 апр. 2000 г. Сыктывкар: СЛИ, 2000. URL: sli.komi.com/bolshakov/science_speech.asp?c11 (дата обращения: 19.01.2019).
4. Починков С. В. Сколько стоят древесные ресурсы леса? // Устойчивое лесопользование. 2003. № 2. С. 8–13.
5. Лесное управление / А. В. Неверов [и др.]; под общ. ред. А. В. Неверова. Минск: Пачатковая школа, 2014. 400 с.
6. Лесной кодекс Республики Беларусь. 24 декабря 2015 г. № 332-З. Принят Палатой представителей 3 дек. 2015 г. URL: pravo.by (дата обращения: 19.01.2019).
7. Петров А. П. Лесное хозяйство и лесная промышленность: от антагонизма через конфликты к единению // Вестник ВГТУ. 2013. № 3 (19). С. 50–59.

8. Элли Р. Т. Земельная собственность как экономическая концепция и область исследований // *TERRA ECONOMICUS*. 2011. Т. 9, № 2. С. 29–38.
9. Лукманов Д. Д. Эволюция арендно-рентных отношений в свете концепции институционализма. М.: РГАУ МСХА, 2005. 191 с.
10. Книзе А. А., Романюк Б. Д. Причины нерентабельности лесного хозяйства России // *Труды СПбНИИЛХ*. 2013. С. 3–7. URL: spb-niilh.ru/forestresearch (дата обращения: 19.01.2019).
11. Примаченок Г. А. Неоинституциональная теория прав собственности в микроэкономике. URL: www.bseu.by/russian/scientific (дата обращения: 15.02.2019).
12. Методические рекомендации по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг) лесозаготовки: утв. президентом концерна «Беллесбумпром». URL: www.busel.org/text/cat9uq/id5vwcei.html (дата обращения: 19.01.2019).
13. Шутов И. В. Сила и слабость концепции нового Лесного кодекса // *ИБУЗ. Лесной журнал*. 2006. № 6. С. 30–34.
14. Институциональные преобразования в управлении лесами. Опыт стран с переходной экономикой: проблемы и решения: материалы семинара, Москва, Россия, 25 февр. 2003 г. М.: «Алекс», 2003. 178 с.
15. Кирдина С. Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М.: Наука, 2004. URL: <http://www.kirdina.ru> (дата обращения: 19.10.2017).
16. Каштелян Т. В. Проблемы разграничения институциональных сдвигов в экономике и оценка перспектив развития лесного сектора Беларуси // *Известия ГГУ им. Ф. Скорины*. 2018. № 5 (110) С. 133–139.

References

1. Shkatov S. V. *Differentsial'naya renta i popennaya plata v lesnom khozyaystve SSSR. Avtoref. dis. kand. ekon. nauk* [The Differential rent and Stampage fees in USSR. Abstract of theirs cand. econ. sci.]. Moscow; Kiev, 1964. 20 p.
2. Moiseev N. A. On the concept of modern forest management in Russia. *Izvestia Sankt-Peterburgskoy lesotekhnicheskoy akademii*, 2017, issue 219, pp. 58–73 (In Russian). Available at: spbftu.ru (accessed 19.01.2019).
3. Bol'shakov N. M. Methodological bases of the shaping rent payments in forest use. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Nauchno-tekhnicheskij progress v lesnom komplekse"* [Materials of the international scientific and practical conference "Scientific and technological development in Forest complex"], Syktyvkar, SLI, 2000 (In Russian). Available at: sli.komi.com/bolshakov/science_speech.asp?c11 (accessed 19.01.2019).
4. Pochinkov S. V. Does how much the wood resources of the forest cost? *Ustoychivoye lesopol'zovaniye* [Sustainable forest management], 2003, no. 2, pp. 8–13 (In Russian).
5. Neverov A. V., Shkarubo A. P., Lukashuk N. A., Kireev V. V., Vasil'yeva T. V., Demidovets V. P., Ravino A. V., Neverov D. A., Ermonina I. V., Dubanov V. A., Varapaeva O. A. *Lesnoye upravleniye* [Forest governance]. Minsk, Pachatkovaya shkola Publ., 2014. 400 p.
6. *Lesnoy kodeks Respubliki Belarus* [Forest code of the Republic of Belarus]. 24.12.2015. Available at: pravo.by (accessed 19.01.2019).
7. Petrov A. P. Forestry and timber industry: antagonism – conflict – unity. *Vestnik PGTU* [Bulletin of Volga State Technology University], 2013, no. 3 (19), pp. 50–59 (In Russian).
8. Elly R. T. Landed property as an economic concept and as a field of research. *TERRA ECONOMICUS* [TERRA ECONOMICUS], 2011, vol. 9, no. 2, pp. 29–38.
9. Lukmanov D. D. *Evolyuetsiya arendno-rentnykh otnosheniy v svete kontseptsii institutsionalizma* [Evolution rentid-rental relations in institutional context]. Moscow, RGAU MSKha Publ., 2005. 191 p.
10. Knise A. A., Romaniuk B. D. The causes the unprofitable the forest economy in Russia. *Trudy Sankt-Peterburgskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta lesnogo khozyaystva* [Bulletin of Saint-Petersburg Forestry Research Institute], 2013, pp. 3–7 (In Russian). Available at: spb-niilh.ru/forestresearch (accessed: 19.01.2019).
11. Primachenok G. A. *Neoinstitutsional'naya teoriya prav sobstvennosti v mikroekonomike* [Neo-institutional theory of ownership in microeconomics]. Available at: www.bseu.by/russian/scientific (accessed: 15.02.2019).
12. *Metodicheskiye rekomendatsii po planirovaniyu, uchetu i kal'kulirovaniyu sebestoimosti productsii (rabot, uslug) lesoekspluatatsii: utv. Prezidentom kontserna "Bellesbumprom"* [The Methodical

recommendations on planning, account and generation of estimate woodlots: confirmed by president of the concern “Bellesbumprom”]. Available at: www.busel.org/text/cat9uq/id5vwcei.html (accessed 19.01.2019).

13. Shutov I. V. Strength and Weakness of New Forest Code Concept. *Lesnoy Zhurnal* [Forestry bulletin], 2006, no. 6. pp. 30–34 (In Russian).

14. *Materialy seminarov “Institutsional’nyye preobrazovaniya v upravlenii lesami. Opyt stran s perehodnoy ekonomikoy: problemy i resheniya”* [Materials of the seminar. Institutional transformations in forest management. The Experience of the countries with transitional economy: problems and decisions], Moscow, Russia. 25.02.2003. Moscow, «Aleks» Publ., 2003. 178 p.

15. Kirdina S. G. *X- i Y-ekonomiki: institutsional’nyy analiz* [X- and Y-economics: institutional analysis]. Moscow, Nauka Publ., 2004. Available at: www.kirdina.ru (accessed 19.10.2017).

16. Kashtelyan T. V. Problems of differentiation institutional shift in the economy and assessment of prospects the development of the forest sector Belarus. *Izvestiya GGU im. F. Skoriny* [Bulletin of Francisk Skorina Gomel State University], 2018, no. 5 (110), pp. 133–139 (In Russian).

Информация об авторе

Каштелян Таисия Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры организации производства и экономики недвижимости. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: taiiya_kascht@mail.ru

Information about the author

Kashtelyan Taisiya Vasil’evna – PhD (Economics), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Production Organization and Real Estate Economics. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: taiiya_kascht@mail.ru

Поступила 22.02.2019